

А. Б. Летучий

НИУ ВШЭ — ИРЯ РАН, Москва

МЕЖДУ ПАССИВОМ И ДЕКАУЗАТИВОМ: РУССКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ПАССИВЫ¹

*Дорогому Виктору Самуиловичу
с огромным уважением*

1. Обсуждаемая проблема

В работах Петербургской типологической школы, в особенности В. С. Храковского и В. П. Недялкова, огромное внимание уделяется категориям залога и актантажной деривации. В частности, специальный сборник [Холодович (ред.) 1974] посвящен пассивизации. Его определяют как залоговое преобразование, которое понижает статус подлежащего до периферийной именной группы и (не всегда) продвигает в позицию подлежащего исходный прямой объект:

(1а) *Группа исследователей составляет новый словарь.*

(1б) *Новый словарь составляется (группой исследователей).*

Эта часть определения — сугубо синтаксическая. Помимо этого, требуются критерии, позволяющие отделить пассив от декаузатива — структур типа *Чашка разбилась*. Именно поэтому большинство исследователей (например, [Холодович (ред.) 1974; Плуныян 2000]) выдвигают дополнительные требования к пассиву. Пассивные конструкции должны содержать в своей семантике указание на то, что в ситуации участвует Агенс (с другой стороны, Е. В. Падучева (2001) отстаивает точку зрения, что и при декаузативе семантика ситуации может содержать Агенс, однако он имеет

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта корпусного описания русской грамматики «Русграм» (rusgram.ru), поддержанного РГНФ (14-04-00264, «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики») и Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», 2012–2014.

коммуникативный ранг Ноль и не является существенным для говорящего). Например, предложение *Недавно здесь была разлита какая-то жидкость* не может указывать на ситуацию, в которой из водосточной трубы вылилась вода. Говорящий, употребляя пассивную форму, предполагает, что некоторый Агенс намеренно или случайно вылил жидкость².

Напротив, декаузатив (антикаузатив) — актантная деривация, а не залоговое преобразование. Иначе говоря, оно вносит в семантику ситуации существенные изменения. Оно уничтожает исходное подлежащее, продвигает в позицию подлежащего исходный прямой объект и обозначает, что ситуация возникает спонтанно, без участия Агенса [Haspelmath 1993].

(2а) *Мальчик порвал рубашку.*

(2б) *Рубашка порвалась.*

Другим вариантом анализа, как уже было сказано, является такой, при котором Агенс может участвовать в ситуации, но не релевантен для говорящего [Падучева 2001]:

На образование декаузатива существуют определенные ограничения, ср. невозможность декаузативов от глаголов типа *мыть*, *резать* и т.д. Это глаголы, в семантике которых есть **агентивно-ориентированные компоненты** (например, обозначается инструмент) по [Haspelmath 1993].

При этом агентивные компоненты позволяют объяснить не все случаи невозможности и возможности декаузатива. Например, М. Хаспельмат указывает, что глагол со значением ‘мыть’ в рассмотренных им языках не образует декаузатива потому, что его семантика включает агентивно-ориентированные компоненты (например, воздействие рук). Ясно, что глагол со значением ‘отмыть’ декаузатив уже образует:

---

² Возможным исключением здесь являются стивы типа *Я вошел в комнату и увидел, что окно открыто*. Данное предложение полностью соответствует и ситуации, когда окна открылись сами или от ветра, и другой, при которой их открыл человек. Однако стивы, при всем внешнем сходстве с пассивами, существенно отличаются от них и семантически, и синтаксически (см. [Падучева 1996]) — в частности, стивы гораздо чаще, чем пассивы, кодируются лабильными глаголами.

(3) *Грязь легко отмылась.*

Можно объяснить возможность (3) отсутствием в значении *отмыть* и его аналогов в некоторых других языках агентивных компонентов. Однако выяснить, **почему** при образовании глагола *отмыть* агентивный компонент исчезает и каким образом это происходит, значительно труднее.

Еще менее очевидно место относительно пассива примеров вроде *Ветер открыл окно / Окно открылось от ветра* (см. [Падучева 1996], а также [Levin 1993] о сходных конструкциях в английском языке). По своей внешней форме эти примеры должны были бы анализироваться как пара «исходный глагол / декаузатив»: известно, что пассив не имеет варианта с возвратным глаголом в совершенном виде (используется как правило, конструкция с пассивным причастием (см. [Зельдович 2010], где автор пытается объяснить этот факт)). Однако семантически второе предложение в паре не так уж далеко отстоит от пассива: некоторая сила, обладающая долей активности (пусть и не являющаяся Агенсом) влияет на развертывание ситуации, затрагивающей пациенс.

Настоящая статья посвящена другим случаям, отнести которые бесспорно к декаузативу или к пассиву затруднительно. В русском языке существует большое количество такого рода преобразований. Приведем только некоторые примеры:

- (4) *5 не делится на 2.*
- (5) *Эта задача не решается.*
- (6) *Слово пишется через «а».*
- (7) *Стекло легко бьется.*
- (8) *У меня что-то дверь не отпирается.*
- (9) *Мне не работается.*
- (10) *Я хотел спросить, но как-то не спросилось.*
- (11) *Старая музыка, а слушается, как будто вчера была написана.*

Так, в примере (6) очевидно сходство с пассивом — ситуация ‘писать (слово)’ вообще не может возникнуть без участия Агенса. Однако ясно, что говорящий, употребляя предложение (6) или похожее на него (7) вовсе не имеет в виду никакого конкретного или

даже неопределенного Агенса. Он просто хочет сказать, что свойство слова (заметим, совершенно независимое от того, как его пишут реальные носители языка) в том, что его следует писать через «а».

С другой стороны, пример (4) вроде бы не обязательно подразумевает наличие Агенса — свойства чисел не зависят от людей. Однако если описывать свойства возвратного глагола *делиться* через его соотношение с исходным глаголом *делить*, становится понятно, что данная конструкция родственна пассивной: **свойство** числа делиться на другое число предполагает операцию деления, которую способен осуществить только некоторый Агенс.

Точно так же неотделима от Агенса и ситуация ‘спросить’. Но в то же время в примере (10) говорящий употребляет возвратную форму (а не пассивную типа *было спрошено, был задан вопрос*), чтобы подчеркнуть, что ситуация не полностью зависела от его усилий. Он не спросил то, что хотел, не намеренно, что-то ему помешало это сделать. В (9) говорящий не может работать в силу собственного состояния, также не зависящего от его воли. Наконец, (8) практически тождественно пассиву с точностью до маркирования Агенса: при стандартном пассиве Агенс вводится не сочетанием предлога *у* с родительным падежом, а не творительным, стандартным для Агенса при пассиве.

Нашей задачей не является осветить в статье полный набор преобразований такого рода. Мы будем рассматривать ниже в первую очередь два преобразования — тип *Мне не работается* и тип *У меня статья не пишется*, причем для нас существен сопоставительный подход к их описанию. Наша цель состоит в том, чтобы выяснить ответы на следующие вопросы:

- ⇒ С одним или с несколькими разными преобразованиями мы имеем дело? Как трактовать конструкции *У меня не читается (что-л.)* с опущением подлежащего?
- ⇒ Какую роль играет маркирование исходного подлежащего (*y + Gen vs. Dat*)? Позволяет ли оно однозначно отделить друг от друга типы преобразований?
- ⇒ Как соотносятся модальные компоненты в значении конструкций *У меня что-то диплом не пишется* и *Мне не пишется*? Одинаковы они или различаются?

Для удобства мы сразу примем названия для двух конструкций. Конструкцию *Мне не работается* мы будем называть **безличным модальным пассивом**, а конструкцию *У меня диплом*

не пишется — просто **модальным пассивом**. Безусловно, для конструкции типа *Мне не работается* термин **пассив** может показаться не идеальным. Мы выбрали его по двум причинам: во-первых, нам бы хотелось, чтобы термины отражали некоторое сходство между конструкциями, во-вторых, конструкция *Мне не работается* имеет одну черту, чрезвычайно важную для пассива: она понижает статус исходного подлежащего (в данном случае — до дативного дополнения). Впрочем, чаще исследователи предпочитают не называть данное преобразование пассивом, а придавать ему особый статус. Так, N. Gerritsen [1990] относит конструкцию к безличным, но не употребляет относительно нее термина «пассив».

2. Безличный модальный пассив

Как было сказано выше, безличным модальным пассивом (БМП) мы называем конструкции типа *Мне не спится*. Напомним несколько свойств безличного модального пассива. Во-первых, исходное подлежащее при нем маркируется дативом:

(12) *Я не работаю / не могу работать.*

(13) *Мне не работается.*

(14) *Мы ехали медленно.*

(15) *В такую погоду едет медленно.*

Во-вторых, дативная группа может быть выражена или опущена. Как во многих таких случаях, ее интерпретация может быть различной — например, она может пониматься как относящаяся к говорящему или адресату, либо как нереферентная:

(16) *Опять не спится.*

(17) *В таком настроении не пишется* (говорящему или любому человеку).

В-третьих, в большинстве случаев, помимо глагола, маркированного показателем *-ся*, и именной группы с ролью Экспериментера³, в конструкцию входит отрицание (*не спится*) или наречие (*хорошо работается*).

---

³ В данной статье мы не обсуждаем в деталях вопрос о семантической роли исходного подлежащего в рассматриваемых конструкциях.

Ф. Фичи [2010] предлагает даже различать внутри БМП два типа конструкций: с модификатором (наречием) и без модификатора. Как нам кажется, такое деление возможно (тривиальным образом верно, что семантически два варианта различаются, поскольку модификатор вносит свой вклад в семантику конструкции), но не отражает никакого существенного синтаксического разделения.

И Ф. Фичи [2010], и Ф. Фичи и Н. Н. Жукова [2012], и Ю. П. Князев [2007, 2008, 2011] отмечают многообразие модальных значений, представленных в безличном модальном пассиве. Так, Фичи выделяет два таких значения: суждение (оценка качества и интенсивности действия): *мне плохо пелось* = ‘я пел плохо, качество пения было низким’ и расположение (отношение самого говорящего / субъекта сознания к ситуации (*мне не поется* = ‘не хочется петь’). Ю. П. Князев показывает, что в разных славянских языках, имеющих такую же конструкцию, как в русском, два типа модальности представлены в разной мере. Он приводит пример из болгарского языка *Нещо не му се умираше* ‘Ему что-то не умиралось’. В русском языке данный пример (если отбросить в сторону его сильную стилистическую и семантическую маркированность) обозначает ‘Он (пытался, но) не мог умереть’. Напротив, в болгарском он может означать и возможность, и желание (‘Ему не хотелось умереть’).

2.1. Аспектуальные ограничения

Ограничения на образования безличного модального пассива хорошо формулируются в терминах фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна ([Апресян 2006], а также другие работы). Лучше всего в данной конструкции выступают деятельности и занятия:

- (18) *Мне нигде не работалось так легко, как на «Сантьяго Бернабеу»*. [www.sports.ru/football/6672409.html?p=905] (занятие или деятельность)
- (19) *И не пишется, и не поется, // Струны рву каждый раз, как начну* [В. Высоцкий. И не пишется, и не поется] (занятие).

Мы говорим в обоих случаях об Экспериенцере, хотя, возможно, для конструкции *У меня диплом не пишется* более уместно говорить об Агенсе или некоторой гибридной роли.

Ситуации, относящиеся по фундаментальной классификации к классу положений, также сочетаются с конструкцией:

(20) *Ему не сиделось, он хотел немедленно пойти к ней.*

Впрочем, в современной разговорной речи аспектуальные ограничения на данную конструкцию не слишком строги.

При этом, с другой стороны, безличный модальный пассив не имеет строгих ограничений на роль исходного субъекта (см. комментарий ниже) — во всяком случае, при исходном глаголе субъект может быть как Агенсом (*Мне не работалось*), так и Экспериенцером (*Мне не думалось*)⁴.

2.2. Модальный пассив

Модально-пассивная конструкция, анализируемая Е. В. Падучевой в работе 2001 года, находится значительно ближе к собственно пассиву, чем безличный аналог, в том отношении, что имеет подлежащее. Позицию подлежащего занимает исходное прямое дополнение. Само исходное подлежащее выражается группой с предлогом *у* и родительным падежом (далее для краткости мы будем обозначать ее *у + Gen*):

(21) *А диплом не пишется. Так хочется сесть и написать его, чтобы он уже отстал от меня.* [pol-limona.mmm-tasty.ru]

Очень во многих случаях различить стандартный и модальный пассив затруднительно — во всяком случае, они употребляются с одними и теми же глаголами:

(22) *Дверь открывается сторожем каждый день в девять часов.*

(23) *У меня никак не открывалась дверь.*

В первом случае (22) предложение представляет собой стандартный пассив от *Сторож открывает дверь*. Меняются коммуникативные ранги (см. Падучева 1996 о связи пассива с коммуникативной структурой высказывания), однако денотативная часть семантики остается прежней.

---

⁴ Мы почти не обсуждаем здесь аспектуальные ограничения на образование модального пассива в силу того, что в случаях типа *У меня статья написалась* неясно, о декаузативном или пассивном значении стоит говорить. Впрочем, как выясняется, предельность ситуации все же сказывается на степени приемлемости модально-пассивных конструкций.

Напротив, в (23) мы имеем дело с модальным пассивом (отметим, что оформление исходного подлежащего творительным падежом *мной* в этом случае невозможно). Исходное прямое дополнение также становится подлежащим, а исходное подлежащее — периферийным актантом, однако разница в том, что к семантике добавляется модальный компонент — ‘Я не мог открыть дверь’.

Помимо модальной семантики, модальный пассив отличается от стандартного некоторыми лексическими ограничениями. Сравним следующие неприемлемые или находящиеся на грани приемлемости предложения:

(24) **^{/???} У меня никак не понимается его гипотеза.*

Ср. возможное *Его гипотеза легко понимается даже школьником* — впрочем, тоже не слишком типичное.

(25) **^{/???} У меня не прощаются его проступки.*

В данном случае предложения типа *Такие проступки обычно легко прощаются* абсолютно нормальны.

Аналогичным образом, малоприемлемы примеры:

(26) **^{/???} У меня не разрешается работать ночью.* (‘Я не могу разрешить работать ночью’)

(27) **^{/???} У меня не осознается, какой я был дурак.*

Существуют семантические и синтаксические ограничения на модальный пассив.

2.3. Семантические ограничения

Основное семантическое ограничение состоит в том, что модальный пассив сочетается с теми ситуациями, для успешности которых требуется некоторые активные действия Агенса (или субъекта с другой семантической ролью), при этом, как правило, ситуация требует его участия на всем своем протекании.

Ситуации с субъектом-Экспериенцером сочетаются с данной конструкцией крайне ограниченно. Ситуация *простить* задействует такого субъекта, поэтому пример (25) и неприемлем (см. далее о конструкции с глаголом *простить* и невыраженным Экспериенцером).

Отметим, что подобного ограничения, по-видимому, не существует на безличный модальный пассив. Предложения типа *Мне*

не *думалось*. Голова была пуста, будто и не было ничего. [facebook.net], быть может, звучат необычно из-за наличия у глагола *думаться* другой синтаксической модели (*Мне думается, что все не так*), но абсолютно грамматичны.

В действительности ограничение несколько сложнее, чем мы сформулировали выше. Так, следующие примеры выглядят если не неграмматичными, то семантически странными:

(28) [?] «У меня не создается новая государственная система», — сказал президент.

(29) [?] У меня не обдумывается сегодняшний доклад Храковского.

Ситуация с (28) и (29) явно иная, чем в (25). Создание государственной системы в (28) — явно действие, требующие от субъекта усилий. То же верно и для (29) — поскольку доклады юбиляра всегда дают почву для раздумий, их обдумывание требует от Экспериенцера некоторых усилий, хотя эти усилия и приятные. Тем самым, под ограничение на модальный пассив, как оно сформулировано выше («модальный пассив сочетается с ситуациями, для успешности которых требуются некоторые активные действия субъекта») эти примеры вроде бы не совпадают.

Стилистическое объяснение также не проходит. Сомнительность (28) может быть связано с соображениями стиля (модальный пассив выглядит сомнительно в публицистическом и, тем более, официально-деловом стиле), однако для (29) такое объяснение было бы явной натяжкой.

Дополнительно ситуацию осложняет тот факт, что близкий к *обдумывать* глагол *придумывать* превосходно сочетается с модально-пассивной конструкцией, ср.:

(30) *Вроде бы не самый глупый человек, а ничего дельного не придумывается.* [обобщенный. Мы в поисках президента // «Общая газета», 1996].

Вероятно, наряду с требованием усилий субъекта, играет роль аспектуальное ограничение. Модально-пассивная конструкция предпочтительнее с предельными ситуациями. Обдумывание доклада — теоретически бесконечный процесс, не имеющий естественного предела, тогда как придумывание такой предел имеет — он наступает в тот момент, когда результат усилий достигнут

и человеку удастся придумать то, к чему он стремился (см. [Vendler 1957; Падучева 1996] о понятии предельности).

Наконец, есть еще одно ограничение. Модальные пассивы образуются от переходных глаголов, прямой объект которых одушевлен. Ср., например, грамматичное предложение *У меня не смывается грязь* и сомнительные *У меня не причесывается кошка*, *У меня не кормится ребенок*, *все время норовит куда-то убежать из-за стола*.

По-видимому, сомнительность этих фраз связана с модальным значением, выражаемым модально-пассивной конструкцией. Как будет показано выше, разграничить значение внутренней модальности ((не)возможности совершить действие, связанной со свойствами/состоянием Экспериенцера) и внешней модальности ((не)возможности совершить действие, связанной со свойствами участников ситуации и внешнего мира в целом) для модально-пассивной конструкции крайне сложно. Однако неприемлемость одушевленных объектов заставляет думать, что внутренняя модальность в семантике конструкции всегда присутствует.

В самом деле, значение внутренней модальности выделяет в ситуации состояние Экспериенцера, отодвигая на второй план остальных участников. Поскольку одушевленные участники играют более активную роль в ситуации, чем неодушевленные, при одушевленном объекте мало вероятно, что (не)возможность того или иного действия связано только со свойствами Экспериенцера. Как правило, играет роль еще и поведение самого одушевленного участника.

2.4. Соотношение с декаузативными конструкциями

При анализе модально-пассивных конструкций возникает вопрос о статусе ситуаций типа *заводиться*:

(31) *У меня машина не заводится.*

Ситуация ‘заводиться’ отличается от приведенных выше тем, что не полностью зависит от воли Агенса. Даже если человек повернул ключ в замке зажигания, машина может не завестись. Это означает, что предложения типа (31) можно интерпретировать и как ‘Я не могу завести машину’ (модальный пассив), и как ‘Моя машина / машина, в которой я сижу, не может завестись’ (декаузатив или подобное ему преобразование). При второй

интерпретации можно предположить, что и Агенс имеет другой статус, чем при первой: при первой, даже если в предложении нет группы *y + Gen*, подразумевается, что Агенс у ситуации имеется. При второй *y + Gen* — это скорее сирконстантная группа с посессивным значением, а предложение *Машина не заводится* обозначает самопроизвольно возникающую или не возникающую ситуацию, и Агенс в семантике отсутствует.

Как проверить, есть ли у предложения декаузативная интерпретация? Хотя надежного теста нет, можно проверить интерпретацию перфективной формы глагола:

(32) *Машина наконец-то завелась.*

(33) *Картинка наконец-то приклеилась.*

(34) *Молния наконец-то застегнулась.*

(35) *Диплом наконец-то написался.*

В первых двух предложениях возвратный глагол — это совершенно нейтральный декаузатив от переходного глагола. Предполагается, что у ситуации есть некоторая фаза, когда она не зависит от воздействия Агенса: например, говоря о (33), Агенс намазал картинку клеем, а затем оставил, и она приклеилась. Наречие *наконец-то* показывает, что эта самопроизвольная фаза оказалась долгой и кончилась позже, чем предполагал говорящий или наблюдатель.

Напротив, в (34) и (35) подразумевается, что Агенс не мог осуществить действие. Наречие *наконец-то* относится к тому, что его усилия наконец-то увенчались успехом, хотя долгое время были тщетны, то есть долгой была не самопроизвольная фаза, а сами усилия Агенса (ниже мы не обсуждаем такого рода примеры, а ограничиваемся примерами с глаголом несовершенного вида). Ситуации, имеющие в перфективе интерпретацию типа (32) и (33), не образуют модального пассива, либо нужно считать, что в семантике возвратного глагола несовершенного вида всегда совмещены модально-пассивное и декаузативное значения.

2.5. Синтаксическое ограничение

Синтаксическое ограничение на образование модального пассива связано с синтаксическими типами актантов. Если прямым объектом исходного глагола является сентенциальный актант, то

образование модального пассива в некоторых случаях невозможно или затруднено. Можно показать, что один и тот же глагол иногда образует МП при именном дополнении и не образует при синтаксическом⁵:

- (36) *Он написал, что деньги украл Петя.*
- (37) *Он написал, кто украл деньги.*
- (38) *Он написал фразу.*
- (39) **У меня никак не пишется, что деньги украл Петя.*
- (40) **У меня никак не пишется, кто украл деньги.*
- (41) *У него эта фраза никак не пишется.*

Однако этот запрет не носит абсолютного характера. Например, возможно предложение:

- (42) *У меня никак не придумывается, что приготовить на ужин.*

Впрочем, и в этом случае более характерны модальные конструкции с именным актантом:

- (43) *У меня никак не придумывается сюжет.*

2.6. Сочетаемость конструкций с наречиями

Две конструкции, которые мы анализируем, сильно различаются по сочетаемости с наречиями. Сочетаемость безличного модального пассива с адвербиалами сильно ограничено. В примерах, приводимых разными авторами (например, [Градинарова 2009; Фичи 2010; Князев 2007, 2008, 2011]), прежде всего, выступают наречия качества и легкости/трудности:

- (44) *Сегодня пишется легко.*
- (45) *Мне плохо пелось.*

Однако другие наречия, например, со значением скорости (*быстро*) или содержательных свойств (*интересно*) с данной конструкцией не сочетается:

- (46) *Мне не читается.*

---

⁵ См. [Летучий 2012] о различиях в свойствах именных и синтаксических актантов в русском языке.

(47) **Мне читается быстро.*

(48) **Мне пишется интересно* (= ‘то, что мне пишется, интересно’).

Впрочем, существуют и исключения, где *быстро* сочетается с безличными модальными пассивами.

(49) *Работалось быстро, жадно, настроение было легкое и подвижное.* [Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)]

Напротив, модально-пассивная конструкция сочетается с той же группой наречий гораздо свободнее. Так, наречие *быстро* комбинируется с данным типом возвратных глаголов:

(50) *Потому что роман писался быстро, но эмоции, вложенные в него, аукнулись мне месяцем бессонницы после его написания.* [allaserova.web-box.ru]

Ср. также:

(51) **Мне читалось со скрипом.*

(52) *Вторая книга уже читалась со скрипом. За третью браться не хочется что-то.* [rflib.ru>book/veter-peremen-zagovorg-sudby-1.html]

Отметим здесь, что структуры типа *читалось быстро* иногда возможны:

(53) *Читалось быстро и легко, интересная повесть* [www.livelib.ru/review/90747].

Однако в этом случае мы имеем дело с контекстами типа (52), то есть изначально от переходного глагола *читать книгу* образован модальный пассив *Книга читалась быстро*. Затем подлежащее *книга* опускается, а глагол становится формально безличным — но сохраняет сочетаемость с наречиями, характерную для личного, а не безличного модального пассива. Иначе говоря, способность сочетаться с наречиями типа *быстро* является своего рода тестом для различения собственно безличной и формально безличной конструкций.

Первая, самая естественная, версия состоит в том, что разница между (51) и (52) и подобными парами примеров отражает

семантические различия между конструкциями. Однако напрямую, во всяком случае, она не проходит. В самом деле, *со скрипом* означает ‘с большим трудом’, причем сегодня это наречное сочетание широко сочетается с самыми разными семантическими классами предикатов:

(54) *Экзамены он сдавал со скрипом.*

(55) *Я понял, что он говорил, но с большим скрипом.*

Ни значение БМП, ни значение МП не содержат компонентов, противоречащих значению трудности.

Могло бы оказаться, что невозможность *быстро* или *со скрипом* при безличном модальном пассиве связана с неопределенностью глаголов, выступающих в БМП. Они действительно в большинстве случаев неопределены, однако наречие *быстро* прекрасно сочетается с неопределенными глаголами: ср. *Мы работали быстро*, *Вася читал быстро* при невозможном *Нам быстро работалось*, *Васе быстро читалось*.

Для некоторых модификаторов причины, скорее всего, лежат в области синтаксиса. Вероятно, наречия и словосочетания со значением трудности/легкости (во всяком случае, некоторые из них) требуют контролирующего их актанта (предпочтительно подлежащего). При модальном пассиве такой участник есть, хотя и неодушевленный (это пациенс, занимающий позицию подлежащего). Напротив, в безличной модальной конструкции подлежащего-Пациенса нет, а Экспериенцер занимает синтаксическую позицию непрямого дативного дополнения, не позволяющего ему контролировать наречия данного типа.

Для наречия *со скрипом* такое поведение объяснимо, исходя из исходной семантики. *Со скрипом* требует чего-то, что «скрипело» в ходе развития ситуации: например, в (52) это книга, а в *Мозги работали со скрипом* — сами мозги. Напротив, одушевленный актант в **Мне работалось со скрипом* не может интерпретироваться таким образом. Естественно, для *быстро* такой же запрет не получает столь красивого объяснения.

Вероятно, нужно все же принять аспектуальное объяснение, но модифицировать его. Действительно, *быстро* способно сочетаться с неопределенными глаголами, но никогда — с состояниями, поскольку последние не предполагают никаких изменений ни в

одном из участников, никакой передачи энергии от одного участника к другому. Следовательно, нужно считать, что **безличный модальный пассив** образует глагол, принадлежащий к аспектуальному классу Состояние по З. Вендлеру ((1957), см. также [Падучева 1996]), а модальный пассив этого не делает, оставляя глагол в том же аспектуальном классе. Именно поэтому, возможно, существуют примеры типа (34)–(35), где в конструкции, аналогичной модальному пассиву, выступает глагол совершенного вида, а для безличного модального пассива такой конструкции нет. Общеизвестно, что состояния перфективируются гораздо труднее, чем все остальные аспектуальные классы ситуаций.

Нерешенным остается вопрос, почему различным образом ведут себя наречия одной и той же семантической группы (например, *легко* и *со скрипом* — оба наречия обозначают трудность/легкость действия). Эти различия не всегда отражают различия в поведении переходных и непереходных глаголов без *-ся* с аналогичными наречиями: *со скрипом*, например, способно сочетаться и с переходными, и с непереходными глаголами.

2.7. Типы модальности

Поскольку обе рассматриваемых конструкции выражают модальные значения, напрашивается вопрос о том, к какому типу модальности относятся эти значения. Не вдаваясь в подробности, мы классифицируем модальные значения в двух измерениях, ориентируясь на семантическую карту модальности, предложенную В. А. Плунгяном и Й. ван дер Ауверой [1998]: с одной стороны, по типу модальности (желание, возможность, необходимость), с другой стороны, по «источнику» модальности (внешняя/внутренняя).

Для БМП, согласно [Фичи 2010], самым распространенным является случай, когда конструкция выражает внутреннюю модальность возможности или желания (ср. *Мне не работается* ‘Я не могу работать в силу своего состояния’, модальность возможности; *Ему и в Думе неплохо заседается* ‘Ему нравится заседать в Думе’, модальность желания). Данным типам модальности примерно соответствуют выделяемые Ф. Фичи типы «оценка качества и интенсивности» (возможность) и «расположение» (желание).

Менее известен тот факт, что безличные модальные пассивы могут выражать и семантику внешней модальности, например: *Но что-то нам давно не гулялось по Москве, ни пешком, ни на*

великах. С этой предремонтной фигнёй и в эти выходные может не получиться. [club443.ru/arc/lofiversion/index.php/t108105-2750.html] или *Давно не ездило мне общественным транспортом.* [www.proza.ru/2010/08/17/270]. Правда, данные примеры в слабой мере выражают модальное значение (их можно переформулировать как, например, ‘Мы давно не гуляли по Москве’). Однако дальнейший контекст первого примера (*и в эти выходные не получится*) свидетельствует о том, что модальное значение здесь все же имеется и оно, несомненно относится к внешней модальности (‘не получалось гулять из-за занятости или других обстоятельств’). При этом контексты типа *Мне не работало из-за шума* не выражают внешней модальности: хотя в них присутствует внешний фактор невозможности работы, подразумевается, что шум был причиной некоторого состояния Экспериенцера из-за которого, в свою очередь, он не работал (т. е. модальность в данном примере внутренняя).

Для модального пассива типа *У меня не пишется диплом* возможна и интерпретация в значении внешней, и в значении внутренней модальности. Так, предложение *У меня диплом не пишется — весна на улице* подразумевает, что из-за весны у Экспериенцера возникло особое состояние, мешающее ему писать диплом. Пример *У меня пальто никак не надевается* может отсылать как к состоянию субъекта, так и к свойствам рубашки. Вероятно, распределение внешней и внутренней модальности связано с семантической ролью подлежащего. Если оно имеет семантическую роль Креатива (создаваемого объекта, как в *У меня диплом не пишется*), то конструкция тяготеет к внутренне-модальной интерпретации. Если же подлежащим является стандартный Пациенс (*У меня пуговица не застегивается*), то невозможность совершить действие может быть связано со свойствами Пациенса и, соответственно, возникает значение внешней модальности. Впрочем, эта тенденция явно не носит характера жесткого правила.

Однако, по-видимому, почти не бывает примеров, где модальный пассив интерпретировался бы только в значении внутренней модальности. Возьмем предложение *У меня такие вещи не пишутся*. Несомненно, речь идет о некоторых свойствах содержания, которое говорящий не может написать, однако в то же время — о свойствах самого говорящего. И в данном случае

модальный пассив абсолютно параллелен по своим свойствам безличному модальному пассиву. Но все-таки встречаются примеры типа *Диплом у меня не пишется, потому что я по уши загружен работой* — по-видимому, здесь о внутренней модальности речи идти не может. Однако примеры такого рода всегда промежуточны между модально-пассивным значением ('я не могу / с трудом могу писать диплом') и собственно пассивным ('я не пишу диплом').

Отдельно стоит говорить о контекстах, где в роли внешнего фактора, блокирующего или облегчающего исполнения действия, выступает работа некоторой техники. Если в предложениях типа *У меня не открывается страница* можно говорить о декаузативном употреблении, то конструкции типа *У меня не входится на страницу* под определение декаузатива не попадают, поскольку безличны. Такого рода конструкции рассматриваются в следующем разделе.

В целом же можно сказать, что обе рассматриваемые конструкции, несомненно, более склонны к выражению внутренней модальности. При этом примеры, где модальность — только внешняя, для безличного модального пассива не найдены, а для модального пассива с подлежащим вроде бы обнаруживаются. Однако неприемлемость фраз типа *У меня не кормится ребенок* показывает, видимо, что значение внутренней модальности присутствует даже в примерах, где на первом плане все же внешняя модальность.

2.8. Нестандартное выражение Экспериенцера

2.8.1. «Компьютерные» контексты. Казалось бы, распределение типов маркирования Экспериенцера (исходного подлежащего) по конструкциям достаточно строгое. Безличная конструкция допускает только дативное оформление, а личная модальная — только группу с предлогом *у*. Однако есть группа современных контекстов, нарушающая стройную картину. Это контексты с непереходными глаголами, где Говорящий или Наблюдатель не может сделать чего-либо не в силу своего внутреннего состояния, а в силу неудовлетворительной работы какого-нибудь устройства.

В контекстах такого рода стандартные конструкции с дативом невозможны (или, если возможны, имеют другое прочтение):

(56) *Мне не заходит на мою страничку.*

Употребить (56) в значении ‘плохо работает интернет, поэтому войти на страничку не получается, явно невозможно’. Напротив, при невыраженном Экспериенцере конструкция выглядит нормально, хотя и разговорно:

(57) *Хотела написать в ЖэЖе, с компа не заходится, а с телефона без проблем, что бы это значило.* [<http://plohayamam.livejournal.com/25872.html>]

Чаще всего встречаются контексты, где исходное подлежащее не выражено вообще. Однако если оно выражается, то именно конструкцией с *у + GEN*:

(58) *У меня не заходится на мой профиль.* [beon.ru]

Аналогичным образом, например, употребляются глаголы *входить* и *писать*:

(59) *Друзья подскажите мне почему у меня не пишется в блоге* [forum.allnokia.ru/...]

(60) [#]*Мне не пишется в блоге.*

Конечно, вне компьютерных контекстов главным является вариант *мне не пишется*, хотя в современном языке существуют исключения (см. о них следующий раздел).

Естественно, аналогичные конструкции возможны, если речь идет не о компьютере, а о другом устройстве, однако в интернете практически не встречаются. Напомним, что появление большого количества устройств, способных некоторое время действовать без сопровождения человека, принесло в грамматику русской возвратности и другие изменения — например, упомянутые В. И. Гавриловой [2000] новые декаузативы или квазипассивы (61), которые, конечно, были бы невозможны, если бы имелось в виду, что текст набивает на пишущей машинке человек.

(61) *Файл напечатался.*

«Компьютерная» конструкция весьма важна для анализа модальных пассивных конструкций, хотя и относится исключительно к современному разговорному языку. Она позволяет понять, как распределяются зоны ответственности различных компонентов конструкции.

Изначально мы приняли гипотезу о том, что существуют две разных конструкции: одна из них — безличная, образованная от непереходных глаголов и присоединяющая исходное подлежащее с ролью Агенса или Экспериенцера в дательном падеже; другая — личная, образованная от переходных глаголов, в которой место подлежащего занимает исходное прямое дополнение, а исходное подлежащее выражается предложной группой *y + Gen*.

Как преобразовать эту систему в связи с «компьютерной» конструкцией? Конечно, самый прямолинейный путь — постулировать третью конструкцию. Однако очевидно, что «компьютерная» конструкция наследует от двух основных семантику и синтаксис, поэтому лучше считать, что это гибрид безличной и личной пассивных конструкций. С одной стороны, эта конструкция безличная, как и та, которая представлена в примерах типа *Мне не работается*. Это логично, поскольку в позицию подлежащего в русском языке при образовании возвратных глаголов продвигается только прямое дополнение, а глаголы типа *заходить* или употребление *писать* в (57) — непереходные.

С другой стороны, употребление *y + Gen*, а не дательного падежа, объясняется тем, что возможность или невозможность совершить действия в «компьютерных» контекстах связана не с состоянием Экспериенцера, а с внешними факторами (функционированием техники).

Тем самым, исходная оппозиция между способами маркирования исходного субъекта, скоррелированная с переходностью, стирается. В некоторых современных контекстах способ маркирования выполняет семантическую функцию и обозначает конкретный тип модальности, обозначаемый возвратным глаголом (внутренняя vs. внешняя).

Отметим, что новым для русского языка Интернета является расширение выражения комбинации «внешняя возможность + непереходный глагол» (в примерах типа *Мне не работается* возможность или желание, как говорилось выше, почти всегда внутреннее). Комбинация «внутренняя возможность + переходный глагол» выражается стандартной конструкцией типа *У меня диплом не пишется*. Однако в литературном языке, причем не только современного периода, можно найти ситуации, когда стандартное дативное маркирование при БМП от непереходного глагола

нежелательно, и Экспериенцер не выражается вообще, либо не употребляется БМП в целом.

Например, представим себе две ситуации: в ситуации А человек не может работать, поскольку думает о предстоящем свидании, а в ситуации В — потому, что из-за перепадов напряжения выключается. Ясно, что сказать в первой ситуации *Мне не работало* (потому что я думал о свидании с Зиной) абсолютно нормально. Предложение же *Мне не работало, потому что компьютер все время выключался* совершенно аномально, если только в его смысл не включается опять же внутренняя модальность ('Я не мог работать, потому что у меня было неподходящее внутреннее состояние, а оно было таким потому, что выключался компьютер').

2.8.2. *Датив при конструкции от переходных глаголов.* Сходные проблемы возникают и в другом направлении, если конструкция от переходного глагола — правда, этот случай гораздо более маргинален, чем предыдущий. В случаях, когда личная конструкция образована от переходного глагола с субъектом-Экспериенцером, носители иногда употребляют датив, а не предлог у с генитивом (выше говорилось, что глаголы с Экспериенцером сравнительно плохо сочетаются с модальным пассивом:

(62) *Мне не понимаются Ваши рецензии порой, ну да ладно.*
[www.stihi.ru/comments.html ...]

(63) *Многие его книги имелись в библиотеке. А мне не читаются, и точка.* [livejournal.com]

Интересно, что второй пример допускает вариант с у + Gen, то для первого он кажется невозможным, независимо от функционального стиля:

(64) *У меня книги по воспитанию не читаются* [www.babyblog.ru]

(65) **У меня не понимаются Ваши рецензии порой.*

Неграмматичность (65) обусловлена отмеченным выше семантическим ограничением. Напомним, что модальный пассив, как правило, невозможен или сомнителен при глаголах, подразумевающих некоторые мыслительные или когнитивные усилия Экспериенцера.

Тем самым, и здесь, хотя и в меньшей мере, чем в компьютерной конструкции, маркирование Экспериенцера несет не только

синтаксическую нагрузку (связь с переходностью исходного глагола), но и семантическую (внутренняя/внешняя модальность).

Другим фактором, создающим условия для ненормативного употребления датива при личной конструкции от переходных глаголов, может становиться неканоническое прямое дополнение исходного глагола — например, местоимение *ничего*: *Мне ничего не писалось (в сумасбродной Москве до поэм ли?)* [www.piiter.ru/authors2.php?aid=119&pid=3081].

2.8.3. *Конструкции с невозможностью выразить Экспериенцера*. Как было сказано выше, для обоих рассматриваемых конструкций есть возможность выразить Экспериенцера (для БМП — дательный падеж, а для МП — конструкция с предлогом *у*). Однако существуют отдельные примеры, весьма близкие к данным двум конструкциям, где исходное подлежащее выражено быть не может.

Как правило, это примеры, где исходный объект, ставший при возвратном глаголе подлежащим, по каким-то соображениям опускается. Примером может служить глагол *простить*:

- (66) *Хочется простить, но (*мне / *у меня) не прощается.*
- (67) *И, наверное, Вы правы, нет вещей, которые нельзя было бы не простить. Но не прощается.* [nevolia.ru/lyubyashchaya/2012/07/02/prozrenie]
- (68) *Прочитала недавно книжку Оксаны Робски «Эта ТЕТА» про инопланетян на Рублевке. (#Мне / *У меня) читалось быстро <...>* [sapfir.do.am/forum/8-185-5]

Глагол *простить* — переходный. Конструкция с дательным падежом может быть употреблена, только если у глагола есть непереходное употребление, однако это не так. Конструкция с *у* невозможна по другой причине. Как говорилось выше, прототипически употребление этой конструкции требует агентивности глагола (хотя это не всегда так), и *прощать* в ней не употребляется как глагол с субъектом-Экспериенцером.

Примеры (66)–(68) содержат безличную конструкцию (это очевидно, например, поскольку в (68) единственным возможным антецедентом нулевого подлежащего, если бы оно вообще было, было бы слово *книга*, однако оно не среднего, а женского рода, а в примерах с глаголом *прощать* в близком контексте зачастую

вообще нет antecedента). Тем самым, синтаксически они ближе к БМП, но отличаются невозможностью выразить Экспериенцер.

Заметим при этом, что если восстановить опущенное подлежащее, то модальная конструкция образована быть не может. Предложения типа *Такие поступки не прощаются* или *Иван не прощается* несут значение не модального ('не может быть прощен'), а стандартного пассива ('его не прощают'). Это связано с тем, что свойства БМП не допускают выраженного подлежащего — а значит, модальное значение исчезает.

Сходные примеры могут существовать с глаголом *осуждать* (*стоит, конечно, это осудить, но как-то не осуждается*).

Несколько другая ситуация возникает с глаголом *читать* в (68). В этом примере, конечно, можно выразить Экспериенцера дательным падежом — во всяком случае, это не приведет к неграмматичности. Однако, во-первых, полученное предложение все же будет шероховатым, а во-вторых, вероятно, слово *читалось* будет относиться к процессу чтения и связанным с ним состоянием говорящего (= 'я был в таком состоянии, когда мог быстро читать').

Напротив, в данном примере, конечно, имеется в виду, что читалась быстро конкретная книга. Средний род употреблен именно потому, что опущено подлежащее, и конструкция становится формально безличной, не имеет подлежащего. Аналогичную структуру можно наблюдать, например, в (69):

(69) *Вчера послушал новую песню «Машины времени». Не понравилось.*

Данное преобразование само по себе необычно тем, что к безличности приводит всего лишь опущение именной группы (на семантическом уровне глаголы *понравиться* и *читаться*, несомненно, имеют подлежащее).

Примеры с (66) по (68) важны потому, что доказывают общность двух конструкций — модального пассива и безличного модального пассива. Если бы это были две независимых и полностью различных конструкции, мы бы ожидали, что примеры с невыраженным Экспериенцером будут невозможны: независимо от выражения Экспериенцера в предложении, конструкция не удовлетворяет как условиям употребления МП, так и БМП. Однако

в действительности оказывается, что при опущении Экспериенцера конструкции типа (66)–(68) возможны. Это означает, что существует некоторая общая зона модального пассива, не разделяемая бинарной оппозицией двух конструкций. Конструкции с невыраженным Экспериенцером занимают промежуточное положение внутри этой зоны.

2.9. Особые конструкции, расширяющие употребление безличного пассива

Хотя на употребление каждой из двух конструкций существуют довольно строгие ограничения, имеются контексты (конструкции с дополнительными компонентами), снимающие или смягчающие эти ограничения. Назовем их **расширяющими контекстами**.

Среди них, в частности, конструкция *Р пока Р-ся*. Рассмотрим несколько примеров:

(70) *Люби, покуда любитя, терпи, покуда терпитя, прощай, пока прощается*. [Н. А. Некрасов. Зеленый шум].

В этой известной **строчке** только первый глагол с оговорками образует БМП (примеры типа (71), конечно, нетипичны, но и не запрещены:

(71) *Мне сейчас не любитя*.

Глагол *терпеть* употребляется только в отрицательной конструкции *кому-л. не терпитя* (гораздо хуже, например, *Мне терпитя туда поехать* в значении ‘Мне не обязательно ехать туда срочно’). О лексеме *прощай* шла речь выше — ее синтаксические свойства позволяют выступать только в модальной конструкции без выраженного Экспериенцера.

Возможно, свойства конструкции *Р пока Р-ся* также связаны с тем, что Экспериенцер в ней обычно не выражается. Так, (72) гораздо лучше, чем (73):

(72) *Иди, пока идетя*.

(73) *Иди, пока тебе идетя*.

Другим контекстом, впрочем, в меньшей мере влияющим на сочетаемость безличного модального пассива, является конструкция *Как тебе Р*:

(74) *Как тебе отдыхалось?*

(75) *Как тебе председательствуется?*

Хорошая сочетаемость этого контекста с БМП связана с тем, что вариант с активным глаголом (*Как ты председательствуешь?*) зачастую имеет другую семантику — ‘Каким образом ты делаешь Р?’, а не ‘Какие эмоции у тебя вызывает ситуация Р, в которой ты участвуешь?’

Третья конструкция такого же типа — *Что тебе не Р*. Она также расширяет сочетаемость безличного модального пассива, включая в конструкцию контексты, которые при стандартном безличном модальном пассиве редко употребляются.

(76) *И что тебе не лежалось в твоём Аугсбурге?* [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)]

(77) *.. Чего ты, зуда, зудишь? Чего тебе не сидится смирно?.. Мать, уйди от греха в чулан...* [И. Е. Вольнов (И. Е. Владимиров). Повесть о днях моей жизни (1912)]

Безусловно, глаголы *сидеть* и *лежать* допускают образование БМП. Однако, во-первых, вне конструкции *что тебе не Р* их сочетаемость более ограничена (ср. странное *Мне не сиделось смирно*). Во-вторых, в рамках данной конструкции меняется и их семантика.

Следующие примеры задействуют лексемы, которые редко выступают в составе БМП:

(78) *И чего тебе не жилось в России?* [Александр Сокуров и др. Дни затмения, к/ф (1988)]

(79) *Что тебе не пилося втихую? Вспомнил обо мне, в кои-то веки.* [www.proza.ru/2008/02/11/200]

(80) *Что тебе не работалось на новом паровозе?! Видишь, какую рухлядь взял, рассыплется ведь...* [smena-online.ru/stories/druzya-tovarishchi-0/page/2]

Контекст *Мне не жилось в России* маргинален. Вообще глагол *жить* выступает в конструкции типа *Как тебе живется*, то есть в безличном модальном пассиве употребляется обычно лексема *жить* ‘существовать’, а не ‘проживать где-л.’

Основное отличие данной конструкции от стандартной заключается в **широкой сфере действия показателя -ся**. Если в стандартной конструкции сфера действия возвратного показателя и собственно модального значения включает, как правило, только глагол (*Мне не спалось* встречается чаще, чем *Мне не спалось на кровати*), то конструкция *что тебе не Р* способна модифицировать составляющие любого объема:

- (81) *Слышь Саня, ну ты уже просто заколебал своими клонами... Что тебе не пишется под одним ником?* [sevastopol.su/news.php?id=28706] (ср. странное *Мне не писалось под одним ником*)
- (82) *Почему влюбленной паре не гулялось спокойно по ночному городу 3 июня, объяснить не может никто, даже они.* [www.newarzamas.ru > Новости Арзамаса] (ср. странное *Было тепло, но им не гулялось спокойно по ночному городу — лучше Было тепло, но им не гулялось*).

Причина данного различия лежит скорее в области семантики, нежели синтаксиса. Напомним, что безличный модальный пассив выражает, прежде всего, внутреннюю возможность (реже — желания): некоторое состояние Экспериенцера позволяет или не позволяет ему участвовать в некоторой ситуации. Конечно, теоретически у человека может быть сколько угодно состояний, однако прототипически такое состояние фиксируется относительно некоторой обобщенной ситуации (например, легче себе представить состояние, благоприятное для сидения, чем для сидения на кровати).

С другой стороны, в конструкции *Что тебе не Р* модальная семантика отчасти стирается. Фраза «Что тебе не пишется» не подразумевает, что говорящий знает о состоянии адресата, мешающем ему писать. Он просто **интерпретирует** соответствующим образом поступки адресата: из того, что (1) адресат не пишет и (2) нет очевидных причин, мешающих адресату писать он заключает, что мешает прежде всего нежелание или неспособность **адресата** **выполнить** некоторое действие — однако природа этого нежелания или неспособности неясна. Грубо говоря, фраза *Что тебе не пишется под одним ником* означает просто ‘Что мешает тебе писать под одним ником’. Семантика внутреннего состояния

ослабевает, поэтому и ограничение на объем модифицируемой составляющей тоже исчезает.

2.10. Место глаголов мысли, эмоций и восприятия относительно двух рассматриваемых конструкций

Особую проблему составляют глаголы эмоций и восприятия. Она связана с тем, что при глаголах эмоций более широко, чем при агентивно-пациентивных глаголах, распространены конструкции с дативным актантом:

- (83) *Мне думается, что постановка провалилась не случайно.*
- (84) *Мне представляется совсем простая штука.*
- (85) *Как-то мне не верится, что власть станет лучше.*
- (86) *В темноте мне слышались страшные звуки.*
- (87) *Бывают специфические, «частные» кризисы — такой в 1998 г. нам устроила власть, но сегодня не верится, что она пойдёт на повторение прибыльного для многих, однако самоубийственного мероприятия. [Александр Дейкин. Своя игра (2003) // «Время МН», 2003.08.02]*
- (88) *В страдании Гамлета нам чувствуется что-то и несвободное и даже не лунатичное. [И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)]*

В (83)–(88) конструкция образована от глаголов *думать*, *представлять*, *верить*, *слышать* и *чувствовать*.

С одной стороны, очень соблазнительно было бы сблизить примеры типа (82)–(87) с безличными модальными пассивами. Действительно, в обоих случаях мы имеем дериваты на *-ся*, причем при прибавлении возвратного суффикса появляется дативный актант с ролью Экспериенцера.

Однако есть и другая сторона. Считать эти глаголы подтипом БМП мешает синтаксический тип исходного глагола. Если безличный модальный пассив сочетается только с непереходными глаголами, то три предиката в примерах выше либо только переходные (как *представлять*), либо могут быть переходными или непереходными (как *думать* и *слышать*). Непереходным является только глагол *верить*, для которого, тем самым, вопрос «Безличные

модальные пассивы или отдельная конструкция?» становится в большой мере схоластическим.

Но дополнительное обстоятельство заключается в том, что эти переходные глаголы в (83)–(88) выступают с сентенциальными актантами, а с именными их употребление более редко. С глаголом *думать* различие еще заметнее: в отличие от (83), предложения типа (89) или (90) не полностью грамматичны:

(89) **А тебе что думается?*

(90) **В темноте мне думались разные глупости.*

При этом те же примеры (за исключением, пожалуй, предложений, где аргументом глагола является местоимение *что*) без дативной именной группы совершенно нормальны, хотя встречаются редко:

(91) *Потому-то и думы думаются такие, и сны видятся такие, — потому как только во сне и в мыслях человек для себя бессмертен и свободен.* [Чингиз Айтматов. Пегий пес, бегущий краем моря (1977)]

Как кажется, примеры с глаголами эмоций, восприятия и мысли неоднородны. Глагол *думать* явно иллюстрирует безличный модальный пассив. Примеры с ним важны еще и потому, что дают интересную информацию о поведении сентенциальных актантов в русском языке: оказывается, что сентенциальные актанты не по всем критериям являются «настоящими актантами» (в нашем случае — прямыми объектами). Тот факт, что (89) и (90) не совсем грамматичны, а (83) нормально, показывает, что требование непереходности БМП не нарушается сентенциальным актантом.

При этом в (91) нужно усматривать не БМП, а стандартный пассив. Единственное его отличие от примеров типа *Дом строится рабочими* — в невозможности выражения Агенса творительным падежом, однако и от БМП он отличается, дативное оформление также невозможно:

(92) **Мне думается одна мысль.*

Единственный минус такого анализа — в том, что примеры типа (83) не несут никакой модальной семантики: (83) явно не

значит ‘Я могу думать, что постановка провалилась не случайно’. Однако семантическое отличие от *я думаю у мне думается* явно есть: оно состоит в меньшей степени уверенности говорящего — возможно, это и есть след модальной семантики.

Еще более бесспорно к БМП относится конструкция с глаголом *вериться*: она явно несет модальную семантику, и *мне не верится* значительно отличается от *я не верю* именно значением ‘я не могу верить’.

Напротив, конструкции с глаголами типа *помниться* или *видеться* явно относятся к стандартным пассивам. В них дативное оформление исходного подлежащего возможно даже при именном актанте (исходном прямом дополнении, переходящем в разряд подлежащих):

(93) *Мне помнится один разговор с Павлом Ивановичем.*

Однако тот факт, что для разных глаголов эмоций конструкция с дативной ИГ и именным подлежащим частотна в разной мере, показывает, что БМП влияет на пассивизацию и этих глаголов эмоций. Так, для *помнить* приемлемость и частотность пассивной конструкции с дательным падежом и именным оформлением актанта с ролью Содержания явно ниже, чем для аналогичной пассивной конструкции.

3. Заключение

Итак, мы рассмотрели две русских конструкции — безличную пассивную типа *Мне не работается* и личную типа *У меня диплом не пишется*.

Как оказалось, сопоставление данных двух конструкций может дать новые результаты. В частности, выяснилось, что помимо двух основных, существует промежуточная конструкция, которая безлична, образуется от непереходных глаголов, но исходное подлежащее в ней маркируется предложной группой *у + Gen*, а не дативом. Реже встречается обратный вариант — конструкции от переходных глаголов, где исходное подлежащее получает дативное оформление.

Отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, две рассматриваемых конструкции близки и способны объединять свои свойства в промежуточной конструкции. Во-вторых, часть семантической

нагрузки выполняет не прочтение возвратного постфикса, а маркирование Экспериенцера.

Еще один аргумент в пользу сравнительного анализа состоит в том, что промежуточные положения занимают конструкции с невыраженным Экспериенцером. Они безличны, но способны выступать с глаголами типа *простить*, которые при стандартном безличном модальном пассиве невозможны. Это означает, что, помимо двух стандартных конструкций, существует зона, промежуточная между ними.

Однако между двумя конструкциями и двумя прочтениями модального постфикса существуют существенные различия. Помимо самых очевидных из них — разного маркирования Экспериенцера и разной сочетаемости с синтаксическими типами глаголов — это тип выражаемой модальности и аспектуальные свойства. Обе конструкции выражают, как правило, внутреннюю модальность, но для МП выражение внешней модальности характерно в большей мере, чем для БМП.

Что же касается аспектуальных свойств, то БМП, вероятно, всегда обозначает состояние, тогда как для МП это неверно. Предшествующие описания безличной модальной пассивной конструкции, как правило, содержат слово «состояние», а предложенный нами тест на сочетаемость с наречиями позволяет более уверенно говорить о статальном значении БМП. Более того, модально-пассивная конструкция склонна к маркированию предельных ситуаций — именно это ограничение объясняет маргинальность конструкций типа *У меня не обдумывается сегодняшний доклад*.

Наконец, выяснилось, что существуют конструкции «малого синтаксиса» - конструкции с фиксированными компонентами типа *Что тебе не Р?* и *Р, пока Р-ся*, снимающие часть ограничений на употребления «больших» конструкций — модального пассива и безличного модального пассива (мы назвали их **расширяющими контекстами**). Возможность снятия ограничений в контексте может быть существенна для лингвистического анализа производных глаголов и конструкций в целом. **Расширяющие контексты** показывают, что производные (в данном случае модально-пассивные и безличные модально-пассивные) глаголы со своими семантико-синтаксическими свойствами не обязательно являются конечным продуктом деривации. На свойства производных глаголов могут

влиять и дополнительные элементы контекста, и конструкция в целом. Безусловно, этот факт также показывает релевантность аппарата грамматики конструкций для анализа механизмов актантной деривации.

Литература

- Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Часть первая. Основания системной лексикографии. Глава 2. Фундаментальная классификация предикатов // Ю. Д. Апресян (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 75–109.
- Гаврилова 2003 — В. И. Гаврилова. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 2003. С. 256–285.
- Градинарова 2009 — А. А. Градинарова. Славянский рефлексивный имперсонал: к проблеме описания значений // Acta Linguistica 3, 2, 2009. С. 49–63.
- Зельдович 2010 — Г. М. Зельдович. Синтетический пассив совершенного вида на *-ся*: почему его (почти) нет // Вопросы языкознания 2, 2010. С. 3–36.
- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Князев 2008 — Ю. П. Князев. Русский безличный пассив // Н. Д. Светозарова (ред.). Научные чтения. Материалы конференции. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 116–122.
- Князев 2011 — Ю. П. Князев. Пассивные и пассивоподобные возвратные конструкции с глаголами совершенного вида в русском языке // В. С. Храковский и др. (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 94–99.
- Летучий 2012 — А. Б. Летучий. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания 5. 2012. С. 57–87.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении 1, 2001. С. 52–79.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

- Фичи 2010 — Ф. Фичи. Об одной модальной функции рефлексивных конструкций // И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово и язык. Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 645–652.
- Фичи 2012 — Ф. Фичи., Н. Н. Жукова. О грамматико-семантических свойствах конструкций типа *Вчера мне легко работалось*. Русский язык в научном освещении 23, 2012. С. 18–38.
- Холодович (ред.) 1974 — А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л.: Наука, 1974.
- Gerritsen 1990 — H. Gerritsen. Russian Reflexive Verbs: In Search of Unity in Diversity. Amsterdam — Atlanta: Rodopi, 1990.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1993. P. 87–120.
- Levin 1993 — B. Levin. English Verb Classes and Alternations. Chicago: Chicago University Press, 1993.
- van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. A. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology 2, 1, 1998. P. 79–124.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and times // The Philosophical Review 66, 2, 1957. P. 143–160.